

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-3-266-299

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: МНОГООБРАЗИЕ МЕТОДОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Т.Н. Грудина, канд. социол. наук, ст. преп. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье представлен обзор исследований, посвященных социологическому измерению феномена религиозности в современном обществе. В настоящий момент, как отмечают специалисты в области социологии религии, методические споры, касающиеся измерения уровня и степени религиозности населения, продолжают достаточно активно. Среди подходов к изучению религиозности населения существуют как многомерные, так и одномерные концептуальные модели. В рамках многомерного подхода религиозность представлена набором характеристик, описывающих данную категорию. Вместе с тем, исследователи, использующие многомерный подход в рамках своих теоретических построений, пока так и не достигли консенсуса в отношении того, по каким именно показателям можно описать понятие «религиозность». В большинстве случаев авторы измеряют религиозность на основании таких характеристик, как вера, ритуалы и практики, а также знания в рамках той или иной религиозной доктрины. Прикладные отечественные исследования опираются на показатели и религиозного сознания, и религиозного поведения в процессе определения уровня и степени религиозности как населения в целом, так и социальных групп, в частности. Также феномен религиозности изучается с позиции субъективных показателей самоидентификации респондентов, их личной интерпретации своего религиозного сознания, и с точки зрения уровня религиозной активности респондентов. Вопрос религиозной самоидентификации в массовых опросах по-прежнему остается дискуссионным и требует более внимательного эмпирического обоснования при дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: религия, общество, религиозность, измерение, социологические исследования, одномерный подход, социология религии, многомерный подход, воцерковленность, религиозная идентичность, религиозное сознание, религиозное поведение.

* Грудина Татьяна Николаевна, e-mail: tngrudina@gmail.com

RELIGIOUSNESS AND ITS INTERPRETATION: VARIETY OF SOCIOLOGICAL MEASUREMENT METHODS

Grudina Tatyana N., PhD in Sociology, Assistant Professor, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: tngrudina@gmail.com

The article presents an overview of studies on the sociological dimension of the phenomenon of religiosity in modern society. At the moment, as experts in the field of the sociology of religion note, methodological disputes regarding the measurement of the level and degree of religiosity of the population continue quite actively. Among the approaches to studying the religiosity of the population, there are both multidimensional and one-dimensional conceptual models. Within the multidimensional approach, religiosity is represented by a set of characteristics that describe this category. At the same time, researchers who use a multidimensional approach as part of their theoretical constructions have not yet reached a consensus on exactly what indicators can be used to describe the concept of "religiosity". In most cases, the authors measure religiosity based on such characteristics as faith, rituals and practices, as well as knowledge within a particular religious doctrine. Applied domestic research is based on indicators of both religious consciousness and religious behavior in the process of determining the level and degree of religiosity of both the population as a whole and social groups in particular. Also, the phenomenon of religiosity is studied from the standpoint of subjective indicators of respondents' self-identification, their personal interpretation of their religious consciousness, and from the point of view of the level of respondents' religious activity. The issue of religious self-identification in mass surveys is still debatable and requires more careful empirical substantiation in further research.

Key words: religion, society, religiosity, measurement, sociological research, one-dimensional approach, sociology of religion, multidimensional approach, churching, religious identity, religious consciousness, religious behavior.

Исследованию религиозности¹ в последние десятилетия посвящен достаточно широкий круг научных работ². Религиозность³ в современном обществе складывается во многом за счет тех изменений, которые происходят в рамках традиционных религиозных течений.

¹ См. об этом: Синелина Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 89–96; Лебедев С.Д. Религиозность: в поисках "рубикона" // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 153–168; Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 35–45; Чеснокова В.Ф. Воцерковленность: феномен и способы его изучения // Десять лет социологических наблюдений. М., 2003. С. 112–145; Рыжов Ю. Социологи не виноваты: критерии религиозности не разработаны до сих пор // Независимая газета. 2003. 2 апр.

² См. об этом: Пруцкова Е.В. Операционализация понятия "религиозность" в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 268–293; Фурман Д.Е., Каариаинен К. Религиозная стабилизация. Отношение к религии в современной России // Свободная мысль–XXI. Теоретический и политический журнал. 2003. № 7. С. 19–31.

³ См. об этом: Федотова Е.Ю., Пронина Т.С. Социологический аспект религиозной идентичности // Философские традиции и современность. 2016. № 1 (9). С. 123–134.

На выявление особенностей и закономерностей подобного рода изменений и направлен исследовательский фокус многих социологов религии в настоящее время. Однако как отмечают специалисты в области социологии религии, методические споры относительно возможных способов измерения уровня и степени религиозности населения продолжают и ныне. “До сих пор социологические центры и службы не имеют единого мнения относительно того, какие вопросы должны быть заданы для правильного отнесения респондента к той или иной мировоззренческой группе, сколько должно быть этих групп, какие из них обязательны. В результате при опросах, проведенных разными социологическими центрами, одни и те же люди могут оказаться в разных мировоззренческих группах”⁴.

Согласно мнению экспертов, занимающихся изучением функционирования религии в обществе, для измерения феномена религиозности⁵ социология религии накопила достаточно большое количество подходов, среди которых основную часть составляет методологическая литература по проблемам операционализации указанного понятия⁶, в частности, “выделению важных аспектов религиозности и выбору правильных индикаторов для каждого из них. В то же время практически не уделяется внимания обратной операции — конструированию общего показателя религиозности”⁷. Прикладные отечественные исследования, по мнению экспертов, опираются на показатели и религиозного сознания, и религиозного поведения в процессе определения уровня и степени религиозности как населения в целом, так и социальных групп в частности⁸.

Существует исследовательское мнение, на основании которого феномен религиозности изучается с позиции субъективных показателей самоидентификации респондентов⁹, их личной интерпретации своего религиозного сознания, и с точки зрения уровня

⁴ Синелина Ю.Ю. Этапы изменения религиозности населения в России (1989–2006) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 77.

⁵ См. об этом: Малявина С.С. Детерминанты формирования религиозности личности // Вестник. Серия IV. Педагогика. Психология. 2015. Вып. 2 (37). С. 119–131.

⁶ См. об этом: Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М., 2005. OrthodoxMonitor. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/orthodoxmonitor> (дата обращения: 15.12.2021); EuropeanValuesStudy. URL: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/> (accessed: 15.12.2021).

⁷ Пруцкова Е.В., Маркин К.В. Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 95–105.

⁸ См. об этом: Киблицкая Е.А. Особенности изучения религиозности населения в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96–107.

⁹ См. об этом: Дивисенко К.С., Белов А.Э., Дивисенко О.В. Трансляция религиозности в семье от родителей к детям: аналитический обзор исследований // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 4. С. 75–92.

религиозной активности респондентов¹⁰. Наряду с этим, исследователи отмечают, что религия — понятие многомерное¹¹. По мнению М.М. Мчедловой, “сегодня российскими социологами единодушно отмечается, что современная массовая религиозность, сформировавшаяся в период постсоветского развития страны, имеет черты культурной идентичности, она формируется как духовная консолидация вокруг культурно-ценностной матрицы, которая на протяжении жизни многих поколений обеспечивала социально-культурную устойчивость и выживаемость общества”¹². Таким образом, вопрос религиозной¹³ самоидентификации в массовых опросах по прежнему остается дискуссионным и требует более внимательного эмпирического обоснования при дальнейших исследованиях.

Перейдем к рассмотрению темы эмпирического анализа такого понятия как “религиозность”, каким образом, по мнению ряда современных исследователей, возможно интерпретировать полученную информацию в ходе исследования феномена религиозности, с какими трудностями сталкивается исследователь при изучении данного феномена.

Среди подходов по изучению религиозности населения существуют как многомерные¹⁴, так и одномерные концептуальные модели. Так, исследователями Н.С. Бабич и В.И. Хоменко были выдвинуты концептуальные основы построения одномерной шкалы религиозности, а также разработана шкала “предрасположенность к религиозности”, которую эмпирически апробировали исследователи, чтобы повысить уровень формализации модели¹⁵. Авторы дан-

¹⁰ Гаврилов Ю.А., Кофанова Е.Н., Мчедлов М.П., Шевченко А.Г. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о её социальных функциях // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 46–56.

¹¹ Пруцкова Е.В. Операционализация понятия “религиозность” в эмпирических исследованиях; Она же. Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 72–88.

¹² Мчедлова М.М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 78.

¹³ См. об этом: Лебедев С.Д. Религиозность: что считать критерием? URL: <http://club.fom.ru/entry.html?entry=2538> (дата обращения: 15.12.2021); Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М., 2005.

¹⁴ См. об этом: Бабич Н.С., Хоменко В.И. Логические и практические трудности многомерного подхода к измерению религиозности // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 89–96.

¹⁵ Бабич Н.С., Хоменко В.И. Шкала “предрасположенность к религиозности”: эмпирическая апробация и повышение уровня формализации модели // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 94–104; Они же. Концептуальные основы построения одномерной шкалы религиозности // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 65–71.

ного подхода попытались обосновать, насколько применима в массовых опросах одномерная шкала для измерения такого показателя, как предрасположенность к религии, и может выступить моделью когнитивной шкалы религиозности. Благодаря использованному когнитивно-ориентированному подходу в качестве наиболее подходящего с точки зрения авторской методологии исследовательского коллектива ученые пришли к выводу об успешном применении данного подхода для достаточно крупных по масштабу социологических исследований. В рамках когнитивной теории религии апробировалась одновопросная порядковая измерительная шкала “предрасположенность к религии”, рассматривалась возможность ее применения в дальнейшем, повышения уровня формализации. Проведенное социологическое исследование позволило ученым прийти к выводу о перспективности развития и применения когнитивно-ориентированного способа измерения религиозности. Необходимость всестороннего анализа понятия религиозности, как полагают исследователи, обусловлена тем, что наиболее распространенные определения религии в социологической литературе теоретически обоснованы и проверены временем, тем не менее не могут удовлетворить все различные контексты эмпирических исследований религиозности. Поэтому начинать анализ понятия “религия” полезно с учетом ограничений его определения (прежде всего словарного запаса, который наиболее четко связан с языком социологических исследований), что делает его вполне подходящим для использования в качестве основы для развития одномерной шкалы религиозности¹⁶. Данную задачу исследователи обозначили как поисковую и дискуссионную, а разработанная шкала, с точки зрения ее разработчиков, может стать основой для проведения массовых опросов религиозности в качестве определенного русскоязычного инструмента¹⁷.

Рассматривая возможность применимости данной шкалы в исследовательских проектах, авторы отмечают, что религиозность — достаточно прозрачный феномен, который часто исследуется, но вместе с тем с ее измерением весьма часто возникают методологические затруднения. Условная простота анализа религиозности содержится, главным образом, там, где она может сработать как проявление идентичности тех или иных социальных групп, т.е. находится в контексте мнений, а также представлений людей как о самих себе, так и своем поведении. В этих случаях, как полагают

¹⁶ См. об этом: *Бабич Н.С., Хоменко В.И.* Концептуальные основы построения одномерной шкалы религиозности. С. 66.

¹⁷ См. об этом: *Бабич Н.С., Хоменко В.И.* Шкала “предрасположенность к религиозности”... С. 95.

эксперты, оправданно, к примеру, доверять самооценке религиозности, высказанной респондентами, поскольку их самоидентификация по религиозной приверженности здесь является главной для исследователя. Вместе с тем, острый вопрос для данного контекста заключается в том, насколько сам респондент сведущ в тех или иных религиозных нормах и доктринах, чтобы провести беспристрастный анализ по самопрезентации своей религиозности. А также возникают сложности в существенных различиях традиций и норм различных религиозных доктрин и течений. Таким образом, “любые сравнительные исследования, охватывающие представителей разных традиций, сталкиваются с серьезными трудностями”¹⁸. Как отмечают социологи, для такого весьма доступного для измерения показателя, как участие в ритуалах, возникает широкий спектр особенностей, имеющих принципиальные отличия даже среди христианских деноминаций. Так, “для ортодоксальных церквей (католиков, православных и близких к ним) таинства имеют мистическое значение и занимают центральное место, а многие направления протестантизма рассматривают богослужения лишь как необязательные общественные собрания. Поэтому религиозность редко участвующего в богослужениях православного оценивается как сравнительно слабая, а для протестанта регулярность посещения церковных служб не выступит в качестве значимого признака. В отдельных сопоставлениях эти различия можно учесть, но сколько-нибудь комплексное сравнение уже нуждается в практически неприменимом количестве интерферирующих поправок. Поэтому представляется, что на текущем этапе развития социологии религии целесообразны усилия по разработке одномерной шкалы религиозности, которая могла бы применяться для формализованных опросов носителей как можно бóльшего числа культур и верований, и при этом была бы теоретически обоснованной и эмпирически апробированной”¹⁹.

Попытка вывести обобщенный показатель религиозности приведена в статье Е.В. Пруцковой, К.В. Маркина “Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности”²⁰. Для проведения всероссийского опроса “Ортодокс монитор” с помощью кластерного иерархического анализа, была разработана типология верующих, к индикаторам религиозности

¹⁸ Бабич Н. С., Хоменко В. И. Шкала “предрасположенность к религиозности”... С. 65–66.

¹⁹ Там же. С. 66.

²⁰ См. об этом: Пруцкова Е.В., Маркин К.В. Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 95–105.

которых относились следующие характеристики: вера в Бога, частота посещения храма, частота посещения религиозных служб, частота исповеди и причастия. Здесь речь идет о строго фиксированной группе верующих, православных христианах. По мнению исследователей, “в современной социологии понятие религиозности становится значимой частью гипотез и теорий. Возникает необходимость переосмысления применяемого для изучения религиозности инструментария и подходов к операционализации понятия религиозности. Один из наиболее применяемых — многомерный подход. Литература, касающаяся многомерного подхода к операционализации религиозности в количественных социологических исследованиях посвящена выделению особенностей религиозности и выбору индикаторов. В то же время практически не уделяется внимания методу конструирования общего показателя религиозности на основании разработанной операционализации”²¹. Специалисты в области социологии религии различают три главных подхода к решению задачи по конструированию показателя религиозности при проведении социологических исследований. Для измерения религиозности, по мнению специалистов, “во-первых, можно использовать отдельные индикаторы, во-вторых, строить тем или иным способом обобщенный показатель религиозности на основании нескольких индикаторов, и, в-третьих, конструировать типологии на основании нескольких показателей, выделяя группы респондентов, характеризующиеся определенным набором признаков. Каждый из этих подходов имеет как сильные, так и слабые стороны”²². При описании слаборелигиозных групп респондентов требуются, как полагают эксперты, дополнительные исследования, в которые «необходимо включить переменные, репрезентирующие так называемую “гражданскую религию”, “альтернативную духовность”, слабую религиозность, которая характеризовалась бы не только отсутствием институциональных религиозных практик, но присутствием какой-то специфической социальной формы религиозности, например, в выделяемой нами группе “народная религиозность”. Это позволит проверить ряд гипотез о принципиальном различии групп в предлагаемой нами типологии. Показано, что переменные, репрезентирующие институциональную религиозность, не могут быть сведены исключительно к частоте посещения служб, как часто происходит в социологических исследованиях сегодня. При изучении православной религиозности в России чрезвычайно важно также учитывать, с одной стороны, частоту исповеди и

²¹ Пруцкова Е.В., Маркин К.В. Типология православных россиян... С. 95–96.

²² Там же. С. 96.

причастия, а с другой — частоту посещения храма, что позволяет выделить социальные формы религиозности, характеризующиеся специфическим сочетанием признаков. Мы попытались показать, что православные россияне делятся не просто на две группы: “воцерковленные” и “невоцерковленные”, или “истинные” и “номинальные” с некоторым количеством переходных типов. В действительности религиозный ландшафт российского православия чрезвычайно разнообразен, неоднороден и заслуживает глубокого изучения»²³.

В рамках регионального исследования религиозного поведения верующих Екатеринбургской митрополии была рассмотрена “эклектичная религиозность” респондентов как вне, так и внутри Церкви²⁴. Важно отметить, что авторы указывают на значимость решения в своей статье таких основных проблем, как концептуализация понятия “эклектичная религиозность”, а также совершают попытку уточнить, каким методом измерять уровень религиозности среди респондентов. Среди прочих тем подробно разбираются следующие вопросы изучения религиозности: каким образом эклектичная религиозность распространяется в зависимости от возраста респондентов? Существует ли взаимозависимость между уровнем религиозности и уровнем религиозной грамотности респондентов? Каким образом проявляются неортодоксальные идеи и функционируют основные механизмы деятельности православных христиан на примере городов Свердловской области? В своих теоретических умозаключениях авторы приходят к выводу о том, что “эклектичная религиозность — следствие институциональной дифференциации, религиозного плюрализма, индивидуализации религиозного опыта. Ее распространенность связана с тем, что демонтаж советской секулярной модели и постсоветская экономическая нестабильность привели к росту интереса к религиям при отсутствии условий для религиозной социализации. Наиболее высок уровень эклектичной религиозности среди слабоцерковленных, что связано с низким уровнем ритуальной активности и религиозной грамотности, слабой вовлеченностью в жизнь церкви”²⁵. С точки зрения возрастной дифференциации, авторы приходят к выводу о существенной открытости молодого поколения “в отношении нетрадиционных представлений, склонности к экспериментам и новациям вследствие возрастных особенностей.

²³ Пруцкова Е.В., Маркин К.В. Типология православных россиян... С. 103.

²⁴ См. об этом: Гришаева Е.И., Фархитдинова О.М., Шумкова В.А. Религиозность верующих Екатеринбургской митрополии: от ортодоксии к постсекулярной эклектике // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 106–117.

²⁵ Там же. С. 115.

С возрастом люди становятся консервативнее, с осторожностью относятся к новому”²⁶. Исследователи выявили взаимосвязь показателя эклектичной религиозности от возраста респондентов и описывают ее не только на основании возрастных особенностей, но также связывают ее наличие с социально-историческими трансформациями российского общества. Так, “личностное формирование респондентов в старших возрастных группах происходило в советское время; они в большей степени, чем представители постперестроечных поколений, склонны к соблюдению правил и предписаний, их сознание меньше индивидуализировано, они не склонны к самостоятельному поиску ответов на духовные вопросы. Постперестроечные поколения в большей степени ориентированы на удовлетворение собственных потребностей и интересов, в меньшей степени склонны к соблюдению институциональных предписаний”²⁷.

С темой изучения религиозности также связана статья С.В. Рыжовой “Особенности изучения религиозной идентичности россиян”²⁸. В исследовании проведена социологическая концептуализация понятия религиозной идентичности²⁹. Здесь акцент исследователем делается на том, каковы мотивы религиозной идентичности и каким образом можно определить ее субъективный смысл, подчеркиваются показатели религиозности и религиозной идентичности: их анализ и описание предполагает выявление личных, групповых, социальных уровней, степени и количественных характеристик религиозности через процесс взаимодействия религиозного и общественного сознания. Основываясь на исследовании, автор отмечает следующее: “...религиозную идентичность можно рассматривать как связующее звено между институциональной религиозностью и личными религиозными мотивами. Она определяется социальными факторами и сама оказывает влияние на социум”³⁰. В качестве примера в формировании религиозной идентичности в основном берется Православие. Также разработана типология религиозной (православной) идентичности. В ходе анализа данной проблематики были сделаны выводы о том, что «современные исследования религиозности сосредоточены, главным образом, на выявлении доли верующих, практикующих, заявленной вероиспо-

²⁶ Гришаева Е.И., Фархитдинова О.М., Шумкова В.А. Религиозность верующих Екатеринбургской метрополии...

²⁷ Там же.

²⁸ Рыжова С.В. Особенности изучения религиозной идентичности россиян // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 118–127.

²⁹ См. об этом: Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 44–63.

³⁰ Там же.

ведной самоидентификации (“православные”, “мусульмане”, “буддисты” и др.), определении факторов религиозной социализации, оценке взаимоотношений государства и религиозных организаций. Эти показатели, как правило, носят описательный характер, на их основе исследователь причисляет респондентов к той или иной категории. Ключевым методологическим вопросом является вопрос — можно ли считать человека религиозным на основе самоидентификации, т.е. на основе его ответов: является ли он верующим, верит ли в Бога и/или иные сверхъестественные силы и сущности, к какой религии себя относит»³¹. В качестве одного из выводов приводится тезис о том, что «религиозной самоидентификации достаточно, чтобы считать человека обладающим той или иной формой религиозного сознания, а значит, и религиозной идентичностью. Если в той или иной мере он соотносит себя с религией и относит себя к числу верующих/религиозных, то можно говорить о наличии религиозной идентичности. В основе личного самоопределения человека в отношении религии лежит ценностный выбор и определенная мотивация. В основе формирования религиозной идентичности лежит конфигурация личностных мотивов: потребность в принадлежности к устойчивой макрообщности, “очарованность” культурой, поиск нравственного авторитета, смысла жизни, собственно богоискательство. Ценности и мотивы религиозной идентичности оказывают воздействие на социальное поведение человека, определяют его конфессиональный облик»³². По результатам осуществленного исследования, были представлены “типы православной идентичности: внеинституциональная православная идентичность, групповая православная идентичность, индивидуально-личностная православная идентичность, социально-личностная православная идентичность”. Если говорить о вызовах, с которыми сталкиваются религиозный человек в современном мире, то таковым «является умение существовать в современном информационном обществе, где свобода самовыражения, разнообразие мнений, социальных интересов и образа жизни ничем не ограничиваются. Это умение — новая реальность для РПЦ, долгое время существовавшей как часть государственной системы. В условиях гражданской и религиозной свободы Церковь призвана выработать механизмы согласования “гражданских” и “народных” интересов, осмыслить специфику православного участия в устройении общества,двигающегося в сторону плюрализма. Самоопределение в условиях гражданского общества пока представляет для Церкви проблему, в том числе и потому, что

³¹ Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия. С. 118.

³² Там же. С. 120.

в православной религиозной традиции слабо разработана»³³. А также отмечено, что «понимание новых для церкви реалий звучит в выступлениях клириков, в церковных документах. Согласно “Основам учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека” ответственность христианина перед обществом понимается как “служение ближнему”, вдумчивое распоряжение избирательными правами, сохранение общественного единства на основе общих нравственных ценностей»³⁴.

Продолжению темы религиозности, а именно, более углубленному изучению религиозных политических ориентаций посвящена статья С.В. Рыжовой “Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций”³⁵. Религиозно-политические ориентации мусульман и православных были рассмотрены автором на примере исследования в Республике Башкортостан. Рассматривался аспект религиозно-политических ориентаций мусульман и православных и основания для межконфессионального доверия. Отдельно и более пристально анализировались установки молодежи в сфере государственно-религиозных отношений. Так, по мнению автора, “этническая солидарность и религиозность обнаруживают особую значимость культурного фактора в процессах общественной и политической консолидации страны. Религия становится одним из маркеров этнической идентичности, фактором политики и процессов формирования гражданского общества”³⁶. Также было отмечено, что “с одной стороны, политизация этноконфессионального пространства представляет собой угрозу общественной консолидации, с другой — религиозные убеждения имеют право на существование наравне со светскими. Согласование секулярных (светских) и религиозных ценностей является одной из основ гражданской солидарности”³⁷.

Весьма злободневная тема рассмотрена в работе Х.В. Дзуцева, Н.В. Корниенко “Отношение жителей Северного Кавказа к свободе вероисповедания и вероотступникам”³⁸. Авторы обозначили своей целью выявление того, каким образом распространяются идеи сво-

³³ Рыжова С.В. Особенности изучения религиозной идентичности россиян. С. 126.

³⁴ Там же. С. 127.

³⁵ Рыжова С.В. Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 136–144.

³⁶ Там же. С. 136.

³⁷ Там же.

³⁸ Дзуцев Х.В., Корниенко Н.В. Отношение жителей Северного Кавказа к свободе вероисповедания и вероотступникам // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 83–93.

боды вероисповедания, а также насколько сильно одобряется или осуждается такой феномен, как вероотступничество, в рамках отдельного региона (Северного Кавказа). Этническая и религиозная идентичность рассмотрены во взаимосвязи, что позволяет сделать вывод о том, как распространяются идеи свободы вероисповедания среди населения — от безразличного отношения до открытого выражения либо одобрения, либо осуждения тех, кто совершил отступление от исповедуемой веры. Также были рассмотрены особенности, связанные с религиозной принадлежностью среди христианского (по преимуществу православного) и мусульманского населения жителей Северного Кавказа. Как отмечают исследователи, “несмотря на многовековую историю сосуществования разных религий на территории самого полиэтнического региона России и высокого уважения к религиозным ценностям православных христиан и мусульман, идеи свободы вероисповедания не всегда находят отклик у жителей СКФО РФ. Религиозная принадлежность воспринимается как элемент этнической самоидентификации, поэтому вероотступничество относится не только к сфере религии, но и к межэтническим взаимоотношениям”³⁹, вместе с тем “именно отношение к вероотступникам показывает истинный уровень свободы вероисповедания и уважения к праву каждого человека на религиозное самоопределение”. Развивая дальше указанное положение, авторами было также отмечено, что “помимо связи этнической и религиозной самоидентификации на отношение в обществе к вероотступникам оказывает влияние распространение в регионе радикальных течений ислама и околохристианских сект, деятельность которых осуждает большинство населения, а также законы шариата, согласно которым вероотступники в исламе должны быть подвергнуты смертной казни”⁴⁰.

Рассмотрению такой ведущей доктрины, как иудаизм, а в частности изучению современного еврейства посвящены работы Е.А. Островской. Среди них отметим “Множественные современности ортодоксального еврейства Санкт-Петербурга”⁴¹, «Религиозное “еврейство”: опыт биографического нарратива в закрытой группе»⁴², “О глобальных транснациональных этнорелигиозных диаспорах”⁴³.

³⁹ Дзуцев Х.В., Корниенко Н.В. Указ. соч. С. 91.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Островская Е.А. Множественные современности ортодоксального еврейства Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 94.

⁴² Островская Е.А. Религиозное “еврейство”: опыт биографического нарратива в закрытой группе // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 110.

⁴³ Островская Е.А. О глобальных транснациональных этнорелигиозных диаспорах // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 102–110.

Автор обращает внимание на особенность использования понятия “религиозность” в рамках современного профессионального дискурса социологии религии. Как отмечает Е.А. Островская, понятие “религиозность” наиболее востребовано и часто используется в исследованиях. “Прикладное изучение этого феномена сводится преимущественно либо к количественным опросам с привлечением многомерной модели измерений религиозности, либо к опросам о религиозной принадлежности. В силу этого содержательное наполнение и структурные компоненты религиозности различных групп не попадают в фокус внимания исследователей”⁴⁴. Автору исследования с помощью биографического метода удалось описать, каким образом функционирует коллективная и индивидуальная компоненты религиозности и религиозного поведения индивида. Были отмечены как положительные, как и отрицательные стороны примененного метода. В целом, биографический метод, его применение “в исследованиях религиозных групп и акторов сопряжено с рядом методологических сложностей, разъяснение которых не всегда представлено в соответствующих пособиях и разработках”⁴⁵. Разъяснению методологических особенностей (поиску респондентов, стадиям интервьюирования и пр.), а также иллюстративным примерам на основе исследования повседневной еврейской религиозности еврейства Санкт-Петербурга, полевого изучения множественной современности питерского религиозного еврейства автор уделяет особое внимание. А также отмечает, что с помощью методики биографического нарратива, в основе которой заложена преимущественно субъективная биография, можно изучить и коллективные, и индивидуальные примеры религиозного мировоззрения. Подобного рода анализ позволяет рассмотреть как содержательные, так и структурные компоненты феномена религиозности. “Наряду с выявлением субъективных причин религиозного обращения удастся взглянуть и на обстоятельства, сопровождавшие это событие, — социокультурный контекст, пространственно-темпоральные характеристики, упоминаемые респондентами. Пониманию социального измерения религиозности во многом способствуют освещаемые респондентами этапы социализации, статусно-ролевые взаимодействия, вехи в жизни социального окружения и страны”⁴⁶. Были проанализированы биографические нарративы представителей модерн-ортодоксов и группа, представленная хабадниками любавчского направления, поскольку, как было отмечено, их

⁴⁴ Островская Е.А. Религиозное “еврейство”... С. 110.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 110–111.

взгляды и мировоззрение несут в себе принципиально различные культурные программы современности. Автор аргументирует свой исследовательский выбор следующим положением. “Избранные для рассмотрения хабадники и модерн-ортодоксы интересны тем, что в их проектах предстает специфический симбиоз традиции и современности, дарующий неожиданный разворот рефлекслирующей субъектности”⁴⁷. Е.А. Островская обращает внимание на формирование глобальных транснациональных этнорелигиозных диаспор⁴⁸ и “на деятельность участников, благодаря которым производится и транслируется новая идентичность. К таковым относятся этнорелигиозные сообщества мигрантов, разнообразные диаспорные анклав, идентичность которых выстраивается через апелляцию к собственной этнорелигиозной исключительности, религиозные организации и НГО, располагающие центрами, филиалами, департаментами по всему миру”⁴⁹.

Религиозные предпочтения молодого поколения⁵⁰ нашей страны⁵¹ являются также объектом пристального социологического исследования. В работе Е.И. Аринина, Д.И. Петросян “Особенности религиозности студентов”⁵² рассмотрены подходы “коммуникативной онтологии” Н. Лумана и “интерпретативной антропологии” К. Гирца. Данные концепции, как считают исследователи, позволят осуществить более широкое изучение религиозности современного студенчества, а также будут способствовать выявлению ее характерных особенностей в отношении к религиозным нормам и ценностям. На основании исследовательского опыта авторы делают вывод о том, что “в социологии пока не разработан инструментарий для адекватного отражения степени религиозности населения, готов-

⁴⁷ Островская Е.А. Множественные современности ортодоксального еврейства Санкт-Петербурга. С. 94.

⁴⁸ Островская Е.А. О глобальных транснациональных этнорелигиозных диаспорах. С. 102–110.

⁴⁹ Там же. С. 105.

⁵⁰ См. об этом: Ивлева М.Л., Курилов С.Н., Россман В.И. Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 3. С. 481–493; Аникина А.В. Религиозность современной студенческой молодежи (на примере Нижегородской области): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2008; Мчедлов М.П. О религиозности российской молодежи // Социологические исследования. 1998. № 6.

⁵¹ См. об этом: Галактионова Н.А. Роль религиозности в этнической социализации молодежи Тюменской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2010. № 1. С. 34–40.

⁵² Аринин Е.И., Петросян Д.И. Особенности религиозности студентов // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 71–77.

ности человека подчинить свою жизнь требованиям его веры”⁵³. С целью выявления особенностей религиозности студентов, перспектив формирования “религиозного образа жизни” в молодежной среде (“готовности человека подчинить свою жизнь требованиям его веры”) и связи религиозности с установками на толерантность во Владимирском государственном университете авторским коллективом был проведен опрос 808 студентов первого и второго курсов гуманитарных, технических и естественно-научных направлений. Что касается содержательного аспекта, операционализации и интерпретации исследуемых понятий, отмечается, что «слово “религия” вошло в русский язык только в XVIII в., оставшись во многом в качестве “книжного” и “официального”, тогда как слово “вера”, зафиксированное еще в памятниках древнерусской письменности, имеет богатейшую народную семантику. В этой связи выражение “религиозный человек” скорее коннотирует с “приверженцем официальной церкви” (“ревнителем правоверного благочестия”), тогда как словосочетание “верующий человек” — с личным “духовным миром” (“верой в Бога”))»⁵⁴.

Важно отметить⁵⁵, что долгое время в нашей стране “приобщение к религиозным традициям и нравственным ориентирам осуществляется уже в условиях секулярного общества”⁵⁶. В обществе с секулярным мировоззрением⁵⁷ религия в жизни людей уходит на второй план, становится одним из способов демонстрации своих культурных и национальных черт и особенностей⁵⁸. Тем не менее, уровень доверия церкви по-прежнему высок, как отмечают специалисты, она становится важным субъектом общественной жизни в период постсоветский. Однако в последние годы прослеживается тенденция снижения показателей уровня доверия: если в 2016 г. церкви как социальному институту доверяли 45% жителей столицы, то в 2018 г. — 33%⁵⁹.

⁵³ Аринин Е.И., Петросян Д.И. Указ. соч. С. 71.

⁵⁴ Там же. С. 73.

⁵⁵ См. об этом: Кублицкая Е.А., Назаров М.М. Динамика религиозности в современной России (по данным исследований в столичном регионе) // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 11. С. 1120–1127.

⁵⁶ См. об этом: Бергер П. Религиозный опыт и традиции // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 123–136.

⁵⁷ См. об этом: Каргина И.Г. “Фуззи” религиозность как следствие трансформаций современного христианства в модернизирующемся обществе // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 89–96.

⁵⁸ См. об этом: Белла Р. Религиозный индивидуализм и религиозный плюрализм // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. Ч. 2. М., 1996. С. 134–149.

⁵⁹ См. об этом: Кублицкая Е.А., Назаров М.М. Указ. соч.

Изучению процесса секуляризации посвящен достаточно широкий круг работ современных исследователей. Так, в своей работе «Секулярный или постсекулярный мир? Верификация концепций»⁶⁰ Л.А. Андреева и Л.К. Андреева опираются на тезис о том, что «к настоящему времени существуют две ключевые концепции развития западного мира, в которых важную роль играет религия: теория секуляризации и концепт “постсекулярного” мира»⁶¹. Анализируя смысловой контекст “постсекулярного общества”, исследователи приходят к выводу о том, что «первоначальный хабермасовский конструкт “постсекулярного общества” наполнился новым содержанием, а именно утверждением о росте религии не только в современном западном обществе, но и в мировом масштабе. Для этой религиозности характерна непривязанность к религиозным институтам, каждый индивид создает свой “персональный религиозный конструктор”»⁶². Вместе с тем, было обращено внимание на тот момент, что “в силу наличия в подсознании религиозных архетипов мы не можем говорить о секулярном человеке как антагонисте религиозного человека”⁶³.

В силу того, что в обществе достаточно популярными становятся новые религиозные движения (НРД)⁶⁴, их изучение — новый вызов для ученых в рамках глобального мира⁶⁵. НРД, по мнению многих исследователей, — явление, свойственное для городов, поскольку новым формам религиозности достаточно легко адаптироваться в условиях городских сообществ. Наряду с этим, как отмечают ученые, НРД находят отклик среди разных слоев населения: от молодежи до мигрантов и пр. В статье “Типологизация новых религиозных движений на основе ценностей и потребностей”⁶⁶ исследовательским коллективом (Т.С. Пронина, Ю.С. Федотова, Е.Ю. Федотова) анализируются проблемы типологизации новых ре-

⁶⁰ Андреева Л.А., Андреева Л.К. Секулярный или постсекулярный мир? Верификация концепций // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 82.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 85.

⁶³ Там же.

⁶⁴ См. об этом: Быков Р.А. Новые религиозные движения через призму теории культурных ментальностей П.А. Сорокина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13). С. 171–179; Puttick E.A. New typology of religion based on needs and values // Journal of Beliefs & Values. 1997. Vol. 18. P. 133–145.

⁶⁵ См. об этом: Васильева Е.Н. Новые религиозные движения: понятие и специфика // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2016. № 1. С. 153–163.

⁶⁶ См. об этом: Пронина Т.С., Федотов Ю.С., Федотова Е.Ю. Типологизация новых религиозных движений на основе ценностей и потребностей // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 73–82.

лигиозных движений⁶⁷, рассматриваются сквозь призму ценностей и потребностей. Как считают эксперты, возможность реализации потребностей “в информационном обществе часто становится решающим фактором в выборе адептами того или иного религиозного объединения”⁶⁸, поскольку “ценности и потребности в совокупности являются наиболее универсальным критерием для сравнения как индивидуальных, так и групповых социологических портретов верующих”⁶⁹. Авторы применили двухмерную типологическую конструкцию, которая была ими разработана для описания тех отношений, которые складываются между НРД и их участниками на основе принципа “спрос—предложение”. С помощью абстрактных и конкретных примеров в статье была проанализирована возможность как практически, так и теоретически применить сконструированную типологию, а также возможность создать на ее основе конфессиональный портрет в исследуемом регионе. Помимо этого, исследователями также был затронут вопрос мотивов религиозного выбора, а конкретно, “почему верующий человек испытывает потребность выйти за пределы религиозной традиции, доминирующей в культуре, взрастившей индивида”⁷⁰. При этом “нетрадиционность в рассматриваемом случае определяется контрастом привнесенных или возрожденных идей по сравнению с устоявшимися в течение длительного времени представлениями, практиками и моделями поведения, ставшими привычными внутри окружающей культурной среды”⁷¹. По мнению авторов, «феномен нетрадиционной религиозности продолжает привлекать внимание исследователей. Нетрадиционные новые религиозные движения (НРД) являются неотъемлемой частью религиозного контекста и представляют интереснейший объект исследования для различных социальных наук. Элиминировать разнообразную религиозность из объекта внимания ученого, значит лишить его серьезных исследовательских перспектив. Изучение новой религиозности позволяет лучше понять и процессы, происходящие в традиционных религиях. Кроме того, сама условность разделения религий на традиционные и нетрадиционные, новые и “не новые” заставляет исследователей использовать при изучении религиозных феноменов ряд критериев, применяемых

⁶⁷ См. об этом: Федотова Е.Ю. Типологизация новых религиозных движений: опыт Тамбовского региона // Вера и религия в современной России. Всероссийский конкурс молодых ученых: 25 лучших исследований. М., 2014. С. 242–255.

⁶⁸ Пронина Т.С., Федотов Ю.С., Федотова Е.Ю. Типологизация новых религиозных движений... С. 73.

⁶⁹ Там же. С. 80.

⁷⁰ Там же. С. 74.

⁷¹ Там же.

в комплексе»⁷². Как справедливо отмечают исследователи, “при использовании таких методов и единиц анализа ученый руководствуется не идеологическими соображениями, а стремится к объективному рассмотрению явления”⁷³.

Методологическим проблемам мониторинга новых религиозных движений посвящена статья В.А. Мартинович⁷⁴. Автор анализирует те причины, которые возникают в рамках мониторинга НРД, какие организации можно обозначить как новое религиозное движение, а какие таковыми не являются. По мнению исследователей, центральными в данной связи являются проблемы разработки понятийного аппарата, на основании которого можно было четко выявлять и фиксировать появление НРД. В качестве препятствий для объективного и независимого анализа фиксации новых религиозных движений, их классификации, а в дальнейшем и мониторинга указаны именно методологические проблемы. Широкая активизация в последнее время НРД в нашей стране требует от исследователей особой тщательности в разработке единиц анализа, различных переменных, кодов и маркеров, опираясь на которые специалисты могли бы провести корректную проверку и идентификацию необходимых документов той или иной организации, деятельность которой возможно классифицировать как новое религиозное движение.

На основании всего изложенного авторами был предложен также и определенный метод в разрешении указанных проблем, который прошел апробацию при мониторинге НРД в Республике Беларусь в период 1997–2015 гг. Опираясь на полученные выводы, ученые отмечают, что для научно-исследовательских институтов и органов государственного управления⁷⁵, которые занимаются мониторингом конфессионального пространства, достаточно сложно оценить довольно широкий спектр форм и типов нетрадиционной религиозности, функционирующих на территории нашей страны. Поскольку имеет распространение точка зрения, исходя из которой формы религиозных сообществ значения не имеют, важен факт регистрации религиозной организации. В данной связи многие исследователи, опираясь на данное допущение, неизбежно сталкива-

⁷² Пронина Т.С., Федотов Ю.С., Федотова Е.Ю. Типологизация новых религиозных движений... С. 73.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Мартинович В.А. Методологические проблемы мониторинга новых религиозных движений // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 56-65.

⁷⁵ См. об этом: Грудина Т.Н. Государственно-конфессиональные отношения в России: ключевые тенденции и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 26. № 1. С. 157–172.

ются именно с методологическими проблемами, приступая к мониторингу НРД. “Характер и специфика этих проблем, как и пути их преодоления, зависят от того, какие аспекты феномена НРД и/или реакции на него со стороны окружающего общества подлежат мониторингу”⁷⁶.

Проведенный анализ социологических исследований в области измерения религиозности выявил многообразие подходов и исследовательских методик, разработанных в последнее время авторскими коллективами. Как отмечают ученые в области социологии религии, при изучении феномена религиозности, как правило, возникают трудности именно с разработкой инструментария и операционализацией изучаемого явления. Накопленный исследовательский опыт позволяет уточнять, а также конкретизировать ту или иную методику, опираясь на теоретические построения и эмпирические данные. Различия в подходах исследования религиозности имеют важное значение, поскольку от точности измерения зависит полученный результат и его интерпретация. Важно и дальше применять накопленный исследователями опыт, опираясь на проверенные методики, формируя социологическую традицию в данной области.

Таким образом, несмотря на продолжительную историю изучения феномена религиозности в рамках многочисленных отечественных социологических исследований, сегодня можно говорить о некоторых затруднениях, связанных с методикой и методологией исследования религиозности, а также о многообразии методов измерения религиозности населения. Обзор публикаций по рассматриваемой теме позволяет выявить новые направления ее дальнейшего исследования, обозначить проблемные стороны и выработать исследовательские процедуры, способствующие эффективному решению текущих и перспективных задач развития современного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Л.А., Андреева Л.К. Секулярный или постсекулярный мир? Верификация концепций // Социологические исследования. 2015. № 3.

Аникина А.В. Религиозность современной студенческой молодежи (на примере Нижегородской области): Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2008.

Аринин Е.И., Петросян Д.И. Особенности религиозности студентов // Социологические исследования. 2016. № 6.

Бабич Н.С., Хоменко В.И. Логические и практические трудности многомерного подхода к измерению религиозности // Социологический журнал. 2013. № 2.

⁷⁶ Мартинович В.А. Указ. соч. С. 56.

- Бабич Н.С., Хоменко В.И.* Концептуальные основы построения одномерной шкалы религиозности // Социологические исследования. 2016. № 6.
- Бабич Н.С., Хоменко В.И.* Шкала “предрасположенность к религиозности”: эмпирическая апробация и повышение уровня формализации модели // Социологические исследования. 2018. № 1.
- Белла Р.* Религиозный индивидуализм и религиозный плюрализм // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. Ч. 2. М., 1996.
- Бергер П.* Религиозный опыт и традиции // Социологические исследования. 2011. № 1.
- Быков Р.А.* Новые религиозные движения через призму теории культурных ментальностей П.А. Сорокина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13).
- Васильева Е.Н.* Новые религиозные движения: понятие и специфика // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2016. № 1.
- Гаврилов Ю.А., Кофанова Е.Н., Мчедлов М.П., Шевченко А.Г.* Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях // Социологические исследования. 2005. № 6.
- Галактионова Н.А.* Роль религиозности в этнической социализации молодежи Тюменской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2010. № 1.
- Гришаева Е.И., Фархитдинова О.М., Шумкова В.А.* Религиозность верующих Екатеринбургской митрополии: от ортодоксии к постсекулярной эклектике // Социологические исследования. 2017. № 8.
- Грудина Т.Н.* Государственно-конфессиональные отношения в России: ключевые тенденции и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 26. № 1.
- Дзуцев Х.В., Корниенко Н.В.* Отношение жителей Северного Кавказа к свободе вероисповедания и вероотступникам // Социологические исследования. 2018. № 1.
- Дивисенко К.С., Белов А.Э., Дивисенко О.В.* Трансляция религиозности в семье от родителей к детям: аналитический обзор исследований // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 4.
- Ивлева М.Л., Курилов С.Н., Россман В.И.* Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 3.
- Каргина И.Г.* “Фуззи” религиозность как следствие трансформаций современного христианства в модернизирующемся обществе // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 4.
- Киблицкая Е.А.* Особенности изучения религиозности населения в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4.
- Кублицкая Е.А., Назаров М.М.* Динамика религиозности в современной России (по данным исследований в столичном регионе) // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 11.
- Лебедев С.Д.* Религиозность: в поисках “рубикона” // Социологический журнал. 2005. № 3.
- Лебедев С.Д.* Религиозность: что считать критерием? URL: <http://club.fom.ru/entry.html?entry=2538> (дата обращения: 15.12.2021).
- Малявина С.С.* Детерминанты формирования религиозности личности // Вестник. Серия IV. Педагогика. Психология. 2015. Вып. 2 (37).
- Мартинович В.А.* Методологические проблемы мониторинга новых религиозных движений // Социологические исследования. 2016. № 6.

- Мчедлов М.П. О религиозности российской молодежи // Социологические исследования. 1998. № 6.
- Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М., 2005.
- Мчедлова М.М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 12.
- Островская Е.А. Религиозное “еврейство”: опыт биографического нарратива в закрытой группе // Социологические исследования. 2016. № 2.
- Островская Е.А. О глобальных транснациональных этнорелигиозных диаспорах // Социологические исследования. 2016. № 10.
- Островская Е.А. Множественные современности ортодоксального еврейства Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2017. № 5.
- Пронина Т.С., Федотов Ю.С., Федотова Е.Ю. Типологизация новых религиозных движений на основе ценностей и потребностей // Социологические исследования. 2018. № 1.
- Пруцкова Е.В. Операционализация понятия “религиозность” в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30).
- Пруцкова Е.В. Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере // Социологический журнал. 2013. № 2.
- Пруцкова Е.В., Маркин К.В. Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 95–105.
- Рыжов Ю. Социологи не виноваты: критерии религиозности не разработаны до сих пор // Независимая газета. 2003. 2 апр.
- Рыжова С.В. Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций // Социологические исследования. 2015. № 10.
- Рыжова С.В. Особенности изучения религиозной идентичности россиян // Социологические исследования. 2016. № 10.
- Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3.
- Синелина Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 6.
- Синелина Ю.Ю. Этапы изменения религиозности населения в России (1989–2006) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 4.
- Федотова Е.Ю. Типологизация новых религиозных движений: опыт Тамбовского региона // Вера и религия в современной России. Всероссийский конгресс молодых ученых: 25 лучших исследований. М., 2014.
- Федотова Е.Ю., Пронина Т.С. Социологический аспект религиозной идентичности // Философские традиции и современность. 2016. № 1 (9).
- Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 4.
- Фурман Д.Е., Каарияйнен К. Религиозная стабилизация. Отношение к религии в современной России // Свободная мысль–XXI. Теоретический и политический журнал. 2003. № 7.
- Чеснокова В.Ф. Воцерковленность: феномен и способы его изучения. М., 2003.
- Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М., 2005.

REFERENCES

Andreeva L.A., Andreeva L.K. Sekulyarnyj ili postsekulyarnyj mir? Veri-fikaciya koncepcij [Secular or post-secular world? Verification of concepts] // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. N 3 (in Russian).

Anikina A.V. Religioznost' sovremennoj studencheskoj molodezhi (na primere Nizhegorodskoj oblasti) [Religiosity of modern student youth (on the example of the Nizhny Novgorod region)]: Avtoref. dis. ... kand. soc. nauk. Nizhnij Novgorod, 2008 (in Russian).

Arinin E.I., Petrosyan D.I. Osobennosti religioznosti studentov [Peculiarities of Students' Religiosity] // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. N 6 (in Russian).

Babich N.S., Homenko V.I. Logicheskie i prakticheskie trudnosti mnogomernogo podhoda k izmereniyu religioznosti [Logical and practical difficulties of a multidimensional approach to measuring religiosity] // Sociologicheskij zhurnal. 2013. N 2 (in Russian).

Babich N.S., Homenko V.I. Konceptual'nye osnovy postroeniya odnomernoj shkaly religioznosti [Conceptual foundations for constructing a one-dimensional scale of religiosity] // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. N 6 (in Russian).

Babich N.S., Homenko V.I. Shkala "predraspolozhennost' k religioznosti": empiricheskaya aprobaciya i povyschenie urovnya formalizacii modeli [Scale "predisposition to religiosity": empirical testing and increasing the level of formalization of the model] // So-ciologicheskie issledovaniya. 2018. N 1 (in Russian).

Bella R. Religioznyj individualizm i religioznyj plyuralizm [Religious individualism and religious pluralism] // Religiya i obshchestvo. Hrestomatiya po sociologii religii. Ch. 2. M., 1996 (in Russian).

Berger P. Religioznyj opyt i tradicii [Religious Experience and Traditions] // Sociologicheskie issledovaniya. 2011. N 1 (in Russian).

Bykov R.A. Novye religioznye dvizheniya cherez prizmu teorii kul'turnyh mental'nostej P.A. Sorokina [New religious movements through the prism of the theory of cultural mentalities P.A. Sorokin] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2011. N 1 (13) (in Russian).

Chesnokova V.F. Vocerkovlennost': fenomen i sposoby ego izucheniya [Churchness: a phenomenon and methods of its study]. M., 2003 (in Russian).

Chesnokova V.F. Tesnym putem: process vocerkovleniya naseleniya Rossii v konce XX veka [In a close way: the process of churching the population of Russia at the end of the 20th century]. M., 2005 (in Russian).

Divisenko K.S., Belov A.E., Divisenko O.V. Translyaciya religioznosti v sem'e ot roditelej k detyam: analiticheskij obzor issledovanij [Transmission of religiosity in the family from parents to children: an analytical review of research] // Sociologicheskij zhurnal. 2018. T. 24. N 4 (in Russian).

Dzucev H.V., Kornienko N.V. Otnoshenie zhitelej Severnogo Kavkaza k svobode veroispovedaniya i verootstupnikam [The attitude of the inhabitants of the North Caucasus to freedom of religion and apostates] // Sociologicheskie issledovaniya. 2018. N 1 (in Russian).

European Values Study. URL: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/> (accessed: 15.12.2021).

Fedotova E.Yu. Tipologizaciya novyh religioznych dvizhenij: opyt Tambovskogo regiona [Typology of new religious movements: the experience of the Tambov re-

- gion] // Vera i religiya v sovremennoj Rossii. Vserossijskij konkurs molodyh uchenyh: 25 luchshih issledovanij. M., 2014 (in Russian).
- Fedotova E.Yu., Pronina T.S.* Sociologicheskij aspekt religioznoj iden-tichnosti [Sociological aspect of religious identity] // Filosofskie tradicii i sovremennost'. 2016. N 1 (9) (in Russian).
- Filatov S.B., Lunkin R.N.* Statistika rossijskoj religioznosti: magiya cifr i neodnoznachnaya real'nost' // Sociologicheskie issledovaniya. 2005. N 4 (in Russian).
- Furman D.E., Kaariajnen K.* Religioznaya stabilizaciya. Otnoshenie k religii v sovremennoj Rossii [Religious stabilization. Attitude to Religion in Modern Russia] // Svobodnaya mysl'–XXI. Teoreticheskij i politicheskij zhurnal. 2003. N 7 (in Russian).
- Galaktionova N.A.* Rol' religioznosti v etnicheskoj socializacii molodezhi Tyumenskoj oblasti [The role of religiosity in the ethnic socialization of youth in the Tyumen region] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya. 2010. N 1 (in Russian).
- Gavrilov Yu.A., Kofanova E.N., Mchedlov M.P., Shevchenko A.G.* Konfessional'nye osobennosti religioznoj very i predstavlenij o ee social'nyh funkciyah [Confessional features of religious faith and ideas about its social functions] // Sociologicheskie issledovaniya. 2005. N 6 (in Russian).
- Grishaeva E.I., Farhitdinova O.M., Shumkova V.A.* Religioznost' veruyu-shchih Ekaterinburgskoj metropolii: ot ortodoksii k postsekulyarnoj eklektike [Religiosity of believers in the Yekaterinburg metropolis: from orthodoxy to post-secular eclecticism] // Sociologicheskie issledovaniya. 2017. N 8 (in Russian).
- Grudina T.N.* Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v Rossii: klyuchevye tendencii i perspektivy [State-Confessional Relations in Russia: Key Trends and Prospects] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2021. T. 26. N 1 (in Russian).
- Ivleva M.L., Kurilov S.N., Rossman V.I.* Religioznye cennosti glazami molodezhi: opyt sociologicheskogo issledovaniya [Religious values through the eyes of youth: the experience of sociological research] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya. 2018. T. 18. N 3 (in Russian).
- Kargina I.G.* "Fuzzi" religioznost' kak sledstvie transformacij sovremennogo hristianstva v moderniziruyushchemsya obshchestve ["Fuzzy" religiosity as a consequence of the transformations of modern Christianity in a modernizing society] // Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2009. N 4 (in Russian).
- Kublickaya E.A.* Osobennosti izucheniya religioznosti naseleniya v sovremennoj Rossii [Peculiarities of studying the religiosity of the population in modern Russia] // Sociologicheskie issledovaniya. 2009. N 4 (in Russian).
- Kublickaya E.A., Nazarov M.M.* Dinamika religioznosti v sovremennoj Rossii (po dannym issledovanij v stolichnom regione) [The dynamics of religiosity in modern Russia (according to research in the capital region)] // Vestnik rossijskoj akademii nauk. 2019. T. 89. N 11 (in Russian).
- Lebedev S.D.* Religioznost': v poiskah "rubikona" // Sociologicheskij zhurnal. 2005. N 3 (in Russian).
- Lebedev S.D.* Religioznost': chto schitat' kriteriem? [Religiosity: in search of the "Rubicon"] URL: <http://club.fom.ru/entry.html?entry=2538> (data obrashcheniya: 15.12.2021) (in Russian).
- Malyavina S.S.* Determinanty formirovaniya religioznosti lichnosti [Determinants of the formation of religiosity of the individual] // Vestnik. Seriya IV. Pedagogika. Psihologiya. 2015. Vyp. 2 (37) (in Russian).

Martinovich V.A. Metodologicheskie problemy monitoringa novyh religioznyh dvizhenij [Methodological problems of monitoring new religious movements] // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. N 6 (in Russian).

Mchedlov M.P. O religioznosti rossijskoj molodezhi [On the religiosity of Russian youth] // Sociologicheskie issledovaniya. 1998. N 6 (in Russian).

Mchedlov M.P. Religiovedcheskie ocherki. Religiya v duhovnoj i obshchestvenno-politicheskoj zhizni sovremennoj Rossii [Religious essays. Religion in the spiritual and socio-political life of modern Russia]. M., 2005 (in Russian).

Mchedlova M.M. Rol' religii v sovremennom obshchestve [The role of religion in modern society] // Sociologicheskie issledovaniya. 2009. N 12 (in Russian).

Orthodox Monitor. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/orthodoxmonitor> (accessed: 15.12.2021).

Ostrovskaya E.A. Religioznoe "evrejstvo": opyt biograficheskogo nar-rativa v zakrytoj gruppe [Religious "Jewishness": Experience of Biographical Narrative in a Closed Group] // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. N 2 (in Russian).

Ostrovskaya E.A. O global'nyh transnacional'nyh etnoreligioznyh diasporah [On global transnational ethno-religious diasporas] // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. N 10 (in Russian).

Ostrovskaya E.A. Mnozhestvennye sovremennosti ortodoksal'nogo evrejstva Sankt-Peterburga [Multiple Modernities of Orthodox Jewry in St. Petersburg] // Sociologicheskie issledovaniya. 2017. N 5 (in Russian).

Pronina T.S., Fedotov Yu.S., Fedotova E.Yu. Tipologizaciya novyh religioznyh dvizhenij na osnove cennostej i potrebnostej [Typology of new religious movements on the basis of values and needs] // Sociologicheskie issledovaniya. 2018. N 1 (in Russian).

Pruckova E.V. Operacionalizaciya ponyatiya "religioznost'" v empiricheskikh issledovaniyah [Operationalization of the concept of "religiosity" in empirical research] // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2012. N 2 (30) (in Russian).

Pruckova E.V. Religioznost' i ee sledstviya v cennostno-normativnoj sfere [Religiosity and its consequences in the value-normative sphere] // Sociologicheskij zhurnal. 2013. N 2 (in Russian).

Pruckova E.V., Markin K.V. Tipologiya pravoslavnyh rossiyan: problema konstruirovaniya obobshchennogo pokazatelya religioznosti [Typology of Orthodox Russians: the problem of constructing a generalized indicator of religiosity] // Sociologicheskie issledovaniya. 2017. N 8. S. 95–105 (in Russian).

Puttick E.A. New typology of religion based on needs and values // Journal of Beliefs & Values. 1997. Vol. 18.

Ryzhov Yu. Sociologi ne vinovaty: kriterii religioznosti ne razrabotany do sih por [Sociologists are not to blame: the criteria for religiosity have not been developed so far] // Nezavisimaya gazeta. 2003. 2 apr. (in Russian).

Ryzhova S.V. Etnokonfessional'naya identichnost' i formirovanie religioznyh politicheskikh orientacij [Ethnoconfessional Identity and the Formation of Religious Political Orientations] // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. N 10 (in Russian).

Ryzhova S.V. Osobennosti izucheniya religioznoj identichnosti rossiyan [Features of the study of the religious identity of Russians] // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. N 10 (in Russian).

Ryzhova S.V. Religioznost' v kontekste kul'tury doveriya [Religiosity in the context of a culture of trust] // Sociologicheskij zhurnal. 2017. T. 23. N 3 (in Russian).

Sinelina Yu. Yu. O kriteriyah opredeleniya religioznosti naseleniya [On the criteria for determining the religiosity of the population] // So-ciologicheskie issledovaniya. 2001. N 6 (in Russian).

Sinelina Yu. Yu. Etapy izmeneniya religioznosti naseleniya v Rossii (1989–2006) [Stages of change in the religiosity of the population in Russia (1989–2006)] // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2009. N 4 (in Russian).

Vasil'eva E. N. Novye religioznye dvizheniya: ponyatie i specifika [New religious movements: concept and specifics] // Vest-nik LGU im. A. S. Pushkina. 2016. N 1 (in Russian).